

РИМСКИЕ ПЛЕННИКИ ВАРВАРОВ

А. В. Козленко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, strator40@gmail.com*

Римская история вовсе не являлась непрерывной чередой военных побед. Нередко римлянам приходилось терпеть поражения от их врагов. Вторжения варварских племен прорывали границы, многие тысячи людей при этом погибали или угонялись варварами в плен. Судьба плененных варварами римлян, возможность их возвращения домой и повторной интеграции в общество является предметом данной статьи.

Ключевые слова: Римская империя; война; варвары; плен; беженцы.

ROMANS AS BARBARIAN PRISONERS

A. V. Kozlenko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, strator40@gmail.com*

Roman history was not at all a continuous series of military victories. Romans often had to suffer defeats from their enemies. The invasions of barbarian tribes broke through the borders, many thousands of people died or were taken captive by the barbarians. The fate of the Romans captured by the barbarians, their return home and re-integration into society is the subject of this article.

Keywords: Roman Empire; war; barbarians; captivity; refugees.

В ходе Маркоманнских войн на Дунае в середине II в. римская граница оказалась прорвана и варварские орды достигли Опитергия в северной Италии. Многие города и села были разрушены, имущество их жителей разграблено, а люди уведены варварами в качестве пленников. Когда в 175 г. военные действия на время прекратились, согласно условиям мирного соглашения квадам пришлось выдать 50 000 захваченных ими римских пленных, а сарматам-языгами — даже 100 000 пленных, «...которые все еще оставались у них в руках после того, как многие были проданы, умерли или бежали» (Dio Cass., LXXII, 16). Надпись, найденная в Африке, рассказывает о судьбе некоего римлянина, родившегося в «землях костобок», т. е. в днестро-карпатском регионе к северу от Дуная (CIL VIII 14667). Наиболее вероятно, этот человек был сыном кого-то из римских пленных, угнанных костобоками в ходе их вторжения на территорию Балканских провинций в 170–171 гг. Судя по месту находки надписи, после долгих мытарств пленным в конечном итоге удалось вернуться домой [1, с. 300].

Варварские вторжения середины III в. также сопровождались пленением и уводом за Дунай огромных масс населения. Особенный ущерб наносили

империи готы, долго беспрепятственно опустошавшие Балканские провинции и Малую Азию. Когда после разгрома римской армии при Абритте и гибели императора Деция летом 251 г. его преемник Требониан Галл заключил мир с варварским предводителем Книвой, он разрешил последнему увести с собой всю взятую ранее добычу и самых знатных пленных, захваченных в Филиппополе (Zos. I, 24, 1). То же самое происходило в Галлии и Реции, опустошаемых нападениями зарейнских германцев. Об одном из таких эпизодов рассказывает текст надписи, найденной в 1992 г. в Аугсбурге. Надпись воздает хвалу ретийскому наместнику Марку Симплицию Гениалису, который в конце апреля 261 г. одержал со своими войсками победу над вторгнувшимися на территорию провинции ютунгами и освободил «многие тысячи италийских пленников» (AE 1993, 1231 = AE 2005, 1058).

Особую склонность к массовому выводу римских пленных имели Сасаниды. Между 256 и 260 гг. царь Шапур I захватил Антиохию, Апамею, Берою, Зевгму, всего более 70 городов, жителей которых он угнал в Персию. В большинстве своем это были опытные ремесленники, вывод которых сильно ударил по хозяйству региона. Тысячи римских пленных вывел из захваченной им в 359 г. Амиды царь Шапур II. В следующем году той же участи подверглись жители Сингары (Amm Marc., XIX, 9, 1; XX, 6, 7). В 540 г. царь Хосров I угнал с собой население захваченных им Антиохии, Берои, Суры, Каллиника, Батн и других городов. Пленники были поселены в городе, специально построенном недалеко от персидской столицы Ктесифона. Он назывался Антиохия Хосрова и был спроектирован по образцу сирийской метрополии, с общественными зданиями и регулярным расположением улиц. Местные жители называли его «Румаган», т. е. «Римский город» [3, с. 229].

Набеги на римскую территорию, захват здесь военной добычи и пленных являлись целенаправленной политической и экономической стратегией для сопредельных с империей варварских обществ. Военные успехи и удача в такого рода предприятиях приносили их организаторам почет и уважение сограждан. Добыча с набега позволяла вождям задавать обильные пиры, щедро раздавать подарки, вести роскошный образ жизни. Приведенные с собой пленные являлись важной частью этой культуры. Их держали при себе ради престижа, дарили, меняли, продавали работоторговцам, или удерживали ради будущего выкупа [4, с. 192]. Особенно дорого стоили знатные пленники. Так, жена некоего Силла, захваченная гуннами в Ратиарии в 449 г., была выкуплена за 500 солидов, что в 25 раз превышало среднюю цену раба. Магистр Ираклий, попавший в плен к Теодориху Остготскому, после нескольких лет отсидки был в 474 г. выкуплен своими родственниками за огромную сумму в 100 талантов. Такие суммы были

доступны лишь очень немногим богачам, подавляющему большинству пленников приходилось годами ждать, пока их родственникам удавалось собрать средства на выкуп [1, с. 300].

Нередко римские пленники становились для варваров источником ценных знаний или технологий. От захваченных пленных готы в 256 г. научились строить морские корабли, на которых затем принялись опустошать Эгейское морское побережье Греции и Малой Азии. Точно так же авары в 587 г. научились строить осадные машины у некоего Бузаса, которого они захватили в плен под Аппиарией. Приск Панийский, посетивший в 448 г. ставку грозного правителя гуннов Атиллы, рассказывал, что видел там каменную баню, которую выстроил захваченный в плен римский архитектор. Вместо ожидаемой им в награду за труды свободы, его хозяин сделал его банщиком в этой самой бане. Пленные исполняли при варварских вождях обязанности переводчиков и секретарей. Весьма дорого ценились их целительские способности. Святой Августин в одном из своих писем рассказывал о племяннице своего друга Севера, епископа Милева в Нумидии, которая была захвачена в плен маврами. Будучи приведена к ним домой, пленница смогла исцелить их от болезни своими молитвами и таким образом вновь обрела свободу [4, с. 196].

Захваченные варварами римские пленные способствовали распространению христианства за пределами империи. Наиболее известным случаем является креститель готов Вульфила, родители которого происходили из Каппадокии и были уведены готами в плен во время одного из грабительских походов. В юношеском возрасте Вульфила был чтецом в одной из церквей, а около 341 г. отправился в составе готского посольства к императору Констанцию. В Константинополе он был избран епископом готов и рукоположен Евсевием Никомедийским. Римлянин Фруменций из Тира, исполнявший обязанности писца эфиопского царя Эзаны, способствовал переходу в христианство царской династии Аксума. Он был рукоположен в качестве эфиопского епископа Афанасием Великим и широко распространил по стране новую религию. Наконец, грузинский царь Мириан III принял христианство после того, как его тяжело заболевший сын был исцелен пленником христианином. Похожую историю рассказывает св. Августин о племяннице своего друга Севера, епископа Милева в Нумидии, которая своей молитвой исцелила от болезни захвативших ее варваров, обратила их в свою веру и обрела свободу [5, с. 492].

Забота о судьбе римских пленных и их возвращении на родину входила в обязанности римских военачальников и наместников провинций. Благодаря рассказу Зосима известно о том, как проходили такие переговоры между цезарем Юлианом и алеманнским вождем Вадомарием осенью 357 г.:

«Цезарь заявил, что вопрос о мире не будет обсуждаться, пока варвары не вернут всех пленных из ранее захваченных городов. Когда враги согласились выдать всех пленных, оставшихся в живых, цезарь разработал план, чтобы удостовериться, что никто из пленных не продолжает тайно удерживаться. Юлиан попросил беженцев из всех городов и поселений прибыть к нему и назвать имена всех римлян, взятых в плен. Когда они перечислили всех, кого знали, — родных, соседей, друзей и прочих — цезарь, не давая послам ничего узнать, повелел секретарям составить список. Затем Юлиан пересек Рейн и приказал доставить пленных. Варвары поспешили повиноваться и заявили, что доставили всех имеющихся пленников. Цезарь, сидя на возвышении, за которым находились секретари, приказал варварам предъявить пленных согласно договору. Освобождаемые подходили по одному и называли свои имена, а секретари отмечали их в своих списках. При сравнении их имен с имеющимися записями обнаружилось, что соотечественниками было заявлено гораздо большее количество. Секретари сообщили это цезарю, который пригрозил послам варваров войной за то, что они не выдали всех пленных, и при подсказке секретарей он назвал по несколько имен из каждого города и поселения. Таким образом, варвары подумали, что правда открылась цезарю божественным провидением, и они поклялись своими предками доставить всех живых пленников» (Zos., III, 4, 4).

Таким образом из плена удалось освободить более 3000 захваченных варварами пленных. Юлиан в своих письмах сообщает гораздо более высокую цифру 20 000 пленных.

Помимо официальных властей весьма активную роль в этом деле играла христианская церковь. Св. Киприан Карфагенский в начале III в. признал выкуп римских пленных у варваров актом милосердия. Юлиан Померий вменял выкуп пленных в обязанности священника, наряду с заботой о нищих и пропитании голодных. Св. Амвросий Медиоланский в 379 г. приказал переплавить священные сосуды из своей церкви, чтобы выкупить римлян, попавших в плен после недавнего вторжения готов во Фракию и Иллирию. Текст «Жития св. Северина» свидетельствует о том, как часто между 453 и 482 гг. святой привлекался в качестве посредника на переговорах об освобождении захваченных ругами римских жителей Норика [1, с. 325]. Епископ Сергиополя Кандид в 540 г. предложил персам 2 кентинария золота в качестве выкупа за взятых в плен жителей соседней Суры. Поскольку необходимой суммы у священника на тот момент не было, он пообещал царю Хосрову выплатить ее в течение года, дав в этом расписку и поклявшись самыми страшными клятвами [3, с. 233].

В правовом плане римский гражданин, попавший в плен к врагам, утрачивал гражданские права, включая право собственности и право заключать сделки (*capitis deminutio*). Чтобы его родственники могли вступить

в права наследования имущества, пленник подвергался фикции гражданской смерти и объявлялся как бы умершим. Если пленнику все же удавалось обрести прежнюю свободу, и он возвращался к себе на родину, в его отношении начинал действовать принцип постлиминия (*postliminium*), т. е. восстановления прежних прав, в т. ч. родственных и имущественных, как если бы он никогда не был этих прав лишен. Если пленный выкупался друзьями, наступление постлиминия ограничивалось до тех пор, пока он не возмещал им выкупных денег. Если у него не было такой возможности, он должен был служить своему искупителю на протяжении 5 лет (CTh., V, 7, 2 = Dig., I, 4, 11). Той же процедуре подвергалось захваченное и впоследствии оставленное врагом имущество, движимое и недвижимое, например корабли, кони, сельскохозяйственный скот или рабы (Cic. Top., 8, 36).

Право постлиминия начинало действовать лишь с прекращением войны и заключением мирного договора. Чтобы вступить в свои права пленному нужно было оказаться на римской территории и выразить желание здесь остаться. Флорентин в 6-й книге «Институций» сообщает: «Нет разницы, каким образом пленный вернулся — был ли он отпущен, или избежал власти врагов с помощью силы, либо хитрости, — но лишь тогда, если он пришел с тем намерением, чтобы туда не возвращаться: ведь недостаточно, чтобы некто вернулся домой телесно, если духом он чужой. Но и те, кого освобождают после победы над врагами, считаются вернувшимися по праву постлиминия» (Dig. 49, 15, 26). Права постлиминия лишались солдаты, которые сдались врагу с оружием в руках, добровольные перебежчики, беглые рабы, а также те, кто был отпущен врагами на время, поклявшись, что снова вернется обратно. Постлиминий не признавался также за теми, кто слишком долго пробыл у врагов, кто, имея возможность вернуться домой, все же предпочел оставаться на чужбине сверх необходимого времени (Dig. 29, 15, 5).

Тем не менее, постоянно находились те, кто предпочел остаться в землях варваров после освобождения. Приск Панийский рассказывал, как во время визита в ставку Атилы его приветствовал одетый в дорогой гуннский кафтан человек, обратившийся к нему на греческом языке: «Отвествуя на его приветствие, я спрашивал его, кто он таков, откуда пришел в варварскую страну и почему он предпочел скифский образ жизни прежнему... Засмеявшись, он сказал мне, что он грек родом; что по торговым делам приехал в город Виминакий, лежащий при Истре; что он жил очень долго в этом городе, и женился там на богатейшей женщине; но лишился своего счастья, когда город был завоеван варварами; что при разделе добычи, он был отдан Онигисию... Впоследствии, продолжал он, я отличился в сражениях против римлян и против народа акациров, отдал своему варварскому господину, по закону скифскому, все добытое мною на

войне, получил свободу, женился на варварке, и прижил детей. Онигисий делает меня участником своего стола, и я предпочитаю настоящую жизнь свою прежней: ибо иноземцы, находящееся у скифов, после войны ведут жизнь спокойную и беззаботную; каждый пользуется тем, что у него есть, ничем не тревожимый» (Prisc fr. 8, 53–55).

Для большинства же захваченных в плен их судьба представлялась источником непрерывного страдания. Многие болели и умирали еще в пути, некоторые предпочитали покончить с собой. Возможно, самый яркий пример страданий можно найти в сочинении св. Иеронима Стридонского «Жизнь пленного монаха Малха». Герой его рассказа Малх был аскетом из Палестины, попавшим в плен к сарацинам по пути из Берои в Эдессу: «Здесь будто заключенный в темнице, я научился ходить в другой одежде, т. е. нагим, потому что неумеренность климата не позволяла прикрывать ничего, кроме постыдного. Мне дали пасти овец, и сравнительно с перенесенными несчастьями, я находил утешение в том, что реже вижу своих господ и находившихся в одном со мною рабстве... Питался я свежим сыром и молоком; непрестанно молился, пел псалмы, которые выучил в монастыре» [4, с. 195].

Несмотря на принятие своей судьбы и покорность, подкрепленную желанием следовать предписанию апостола Павла о необходимости покорности рабов своим хозяевам, Малх впал в глубокую депрессию и чуть не покончил с собой, прежде чем решил тайно бежать. Он зарезал двух козлов из стада, засолил их мясо, а из шкуры сделал мех для воды. Едва избежав поимки хозяином, на десятый день пути он добрался до римского лагеря на краю пустыни. Трибун выслушал его рассказ и переправил к Сабиану, наместнику Месопотамии, который помог беглецу вернуться домой. Как и многие беглые рабы, рассказывая о своем бегстве, Малх признавался записывавшему его рассказ автору: «Я дрожу, даже когда вспоминаю об этом, бедное создание, и хотя я знаю, что я в безопасности, мое тело все еще дрожит» [4, с. 195].

Библиографические ссылки

1. Колосовская Ю. К. Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н. э. Москва, 2000. 396 с.
2. Томпсон Э. А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. Спб., Ювента, 2003. 234 с.
3. Kolendo J. Les Romains prisonniers de guerre des Barbares au I et au II siecles // Quaderni camerti di studi romanistici. International survey of Roman law 1987. P. 227–234.
4. Lenski N. Captivity and Romano Barbarian Interchange // Romans, Barbarians, and the Transformation of the Roman World. Ed. R. Mathisen and D. Shanzer. Farnham, 2011. P. 185–198.
5. Lieu S.N.C. Captives Refugees and Exiles A Study of Cross-Frontier Civilian movement and contacts between Rome and Persia from Valens to Jovian // The Defense of the Roman and Byzantine East. Ed. P. Freeman and D. Kennedy. Oxford, 1986. p. 475–505.